

ЦГИА СПб. Ф. 14 (Императорский Петроградский университет (1819–1918)).

ЦГИА СПб. Ф. 478 (Петроградский политехнический институт императора Петра Великого (1900–1918)).

ЦГИА СПб. Ф. 72 (Гимназия при Императорском Петроградском историко-филологическом институте (1870–1917)).

ЦГИА СПб. Ф. 963 (Горный институт императрицы Екатерины II, г. Петроград (1773–1918)).

УДК 94(470.32).084.6:316.334.3

В. А. Перцев

СОЦИАЛЬНЫЕ КАТАКЛИЗМЫ
конца 1920-х – начала 1930-х гг.
В РЕГИОНАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ:
НА МАТЕРИАЛАХ
ЦЕНТРАЛЬНО-ЧЕРНОЗЕМНОЙ ОБЛАСТИ

В статье рассматриваются отдельные социальные проблемы, обострившиеся на территории Центрального Черноземья в конце 1920-х – начале 1930-х гг. На основании выявленных архивных источников исследуются программные установки в сфере обеспечения населения жильем и пути их практического осуществления на региональном уровне. Анализируются трудности и недостатки в процессе решения жилищной проблемы.

К л ю ч е в ы е с л о в а: социальная сфера, Центральное Черноземье, жилищное строительство, жизненные условия, безработица.

Процесс социалистической реконструкции затронул все направления жизнедеятельности Советского государства. Существенные перемены произошли в социальной сфере, в том числе в такой важной ее составляющей, как обеспечение населения жильем. Кардинальный передел жилой собственности, появление многочисленной группы новых владельцев индивидуальных жилых построек, а также новое жилищное строительство – все эти явления не только не ослабили остроту жилищного вопроса, а, напротив, придали ему дополнительную политическую значимость. Тем более что партийно-государственный аппарат возлагал главную ответственность за предоставление гражданам жилой площади и содержание основной части жилого фонда на органы государственной власти и управления. Проблемы с обеспечением населения жильем наблюда-

лись не только в индустриально развитых, с преобладанием городского населения регионах страны, но и в отдаленных от промышленного центра аграрных губерниях. Не являлась исключением территория Черноземного края [см.: Воронежская энциклопедия, т. 2, с. 350]. В период «форсированного рывка к социализму» регион оказался в эпицентре событий, кардинально повлиявших в дальнейшем на жизнь всего Советского государства. Детальное исследование состояния и путей решения жилищной проблемы невозможно без обращения к событиям конца 1920-х – начала 1930-х гг. вследствие того, что именно на этом отрезке времени сформировалась социально-экономическая и морально-психологическая основа для решения жилищного вопроса в последующие десятилетия. Историография обозначенного направления отражает лишь отдельные стороны темы и представлена сведениями в обобщающих коллективных работах по истории региона [см.: Край наш Воронежский; Край наш Курский; Очерки истории...], а также информацией в тематических краеведческих сборниках [см.: Перцев].

Анализ состояния жилищного сектора Центрально-Черноземной области (ЦЧО)¹ в конце 1920-х – начале 1930-х гг. показывает, что в данный период сложились три разновидности собственности на жилье: муниципализированный жилищный фонд, ведомственные жилищные площади предприятий и учреждений, фабрик и заводов, индивидуальный жилищный сектор. В руках местных органов власти было сосредоточено преимущественно муниципализированное жилье. Из его фонда выделялись жилые площади для основной части населения, прежде всего для горожан, занятых работой на предприятиях, в организациях и учреждениях, не имевших своего ведомственного жилья, а также для военнослужащих, сотрудников правоохранительных органов, пенсионеров, инвалидов, государственных служащих и для других категорий населения.

Ведомственное жилье фабрик и заводов ЦЧО состояло из общежитий, построек барачного типа, коммунальных многосемеек, а также ведомственных квартир, в которые заселялись руководители, инженерно-технические работники и высококвалифицированные рабочие данных предприятий. В начале 1930-х гг. в ведомственном жилищном строитель-

---

¹ В 1928–1934 гг. существовала Центрально-Черноземная область – административно-территориальная единица РСФСР, включавшая в свой состав бывшие Воронежскую, Курскую, Орловскую и Тамбовскую губернии. Воронеж являлся областным центром ЦЧО. 13 июня 1934 г. постановлением ВЦИК и СНК РСФСР ЦЧО была разделена на Курскую и Воронежскую области.

стве произошли существенные перемены. Стали возводиться многоэтажные, благоустроенные жилые дома, рассчитанные на проживание семей в персональных квартирах.

Индивидуальный сектор имел значительный удельный вес в «старых» городах и, несмотря на произошедшие изменения в составе собственников, сохранял в основном смешанный состав владельцев. Имеющиеся нормативно-правовые акты, регулировавшие развитие индивидуально-жилищного сектора в 1920-е – начале 1930-х гг., подводят к выводу не только о постоянном жестком контроле со стороны местных органов власти, но и о желании оказывать посильную помощь индивидуальным застройщикам. В то же время на практике дело обстояло совершенно иначе и реальная финансовая помощь, и содействие в обеспечении строительными материалами не оказывались. Вследствие этого приобретение необходимых материалов для строительства и ремонта индивидуальных построек, обеспечение ремонтных работ квалифицированными рабочими кадрами зачастую являлись заботой только их владельцев.

Изучение материалов Государственного архива Воронежской области, в частности документов фонда Воронежского горисполкома о его функционировании накануне свертывания новой экономической политики, позволило сформировать конкретное представление о социально-политической обстановке в Воронеже в обозначенный период. Архивные источники свидетельствуют о том, что в конце 1920-х гг. как в самом Воронеже, так и во всем крае углубились социальные противоречия, вызванные характерной для нэпа дифференциацией населения. Увеличилась безработица, ухудшились условия жизни многих слоев населения, и прежде всего многочисленной и социально незащищенной части городского населения – женщин, стариков, подростков. В условиях возраставших масштабов безработицы именно женщины оказались «в группе социального риска». В конце 1920-х гг. вопросам женской безработицы и вызванной ею женской проституции посвящались многие заседания региональных органов власти и управления. Так, на заседании секции охраны труда и соцстраха при Воронежском городском Совете, состоявшемся в сентябре 1928 г., анализировались результаты обследования сотрудником секции А. А. Гунькиным «...граждан, проживающих в городе Воронеже, впавших в нужду», с целью «...оказания материальной поддержки, путем предоставления через биржу труда, вне всякой очереди, какой-либо постоянной работы и минимального улучшения их жилищных условий» [ГАВО, ф. Р-51, оп. 1, д. 490, л. 24–24 об.]. В обсуждавшихся на заседа-

нии материалах обследования говорилось: «Всего обследованию подлежали 7 жительниц г. Воронежа, попавших в нужду. У гражданки Бурдаевой муж служил на рабфаке счетоводом, была нужда, но все же впроголодь на маленькое жалование содержал семью. По сокращению на рабфаке оказался безработным и голод довел его до того, что он лишил себя жизни (повесился). Семья из жены и 5 человек детей оставлены без всяких средств к дальнейшему существованию. Об их жизни в настоящее время говорить не приходится. Бедность, бедность и бедность во всем. Убогое жилище и пустой стол. Для того чтобы жена не последовала примеру мужа, необходимо принять срочные меры» [ГАВО, ф. Р-51, оп. 1, д. 490, л. 25]. У остальных обследованных сотрудником секции воронежских семей было такое же сложное материально-бытовое положение. Принятое на заседании секции решение о внеочередной постановке на биржу труда всех обследованных женщин, попавших в нужду, и об улучшении условий их жизни, возможно, спасло данную группу жительниц Воронежа и членов их семей не только от голодной смерти, но и от совершения преступления.

Высокие темпы безработицы и неблагоприятные условия жизни заставляли воронежцев изыскивать всевозможные пути выхода из создавшегося положения. Подтверждением этого может служить письмо бывшего железнодорожного рабочего Н. Г. Пискарева, направленное 5 мая 1928 г. в Москву председателю ВЦИКа М. И. Калинину с жалобой на безработицу и «...на вытеснение рабочих с производства самостоятельными крестьянами» [Там же, д. 392, л. 50]. В письме описывались следующие факты: «Прежде всего, должен Вас уведомить, что у нас в городе Воронеже очень и очень большая безработица, число безработных возрастает в ужасающих цифрах, требования рабочей силы, в сравнении с количеством безработных, очень мизерны. Взглянув глубже, мы находим причину, углубляющую тяжесть этого положения. Причина этого положения заключается в следующем: у нас как на железную дорогу, а также на заводы и фабрики в поражающем большинстве поступают на разного рода работы крестьяне близлежащих к городу Воронежу сел. Большинство из этих крестьян имеют земельный надел, имеют и вообще хозяйство, необходимое для крестьянства. Крестьяне буквальным образом вытесняют рабочих. В результате, что же мы видим? Крестьянин, имеющий землю, полное хозяйство и отлично могущий бы жить тем, что он имеет, еще при том же занят и на производстве, а рабочий, не имеющий совершенно никакой материальной обеспеченности и возлагающий надежды единственно

на свои мозолистые руки и сплошь и рядом обремененный большим семейством, не имея куска насущного хлеба, остается за бортом! А посемяя глубоко просил бы Вас, дорогой Михаил Иванович, нельзя ли что-нибудь сделать в этом направлении? Лыщу себя надеждою, что Вы, дорогой наш вождь и отзывчивый друг, не посчитаете мое к Вам обращение пустым пустословием!» [ГАВО, ф. Р-51, оп. 1, д. 392, л. 50–50 об.].

В то же время на фоне обнищания значительной части населения Воронежа и совершенно неустроенного жилья воронежские рабочие конкретно осознавали свою политическую значимость в процессе социалистического строительства и открыто заявляли об этом, настойчиво требуя скорейшего и безотлагательного решения назревших проблем. Требования рабочих часто сводились к улучшению их материальных и жилищно-бытовых условий. В архивных фондах сохранились материалы профсоюзной конференции, проведенной ЦК профсоюза работников железнодорожного транспорта и участковым комитетом воронежского участка ЮВЖД 8–9 сентября 1928 г. На этой конференции обсуждались преимущественно вопросы материального и бытового положения рабочих-железнодорожников. В принятом на конференции постановлении указывалось: «2. Широкая конференция Воронежского участка в присутствии тысячи с лишним членов Союза поддерживает со своей стороны постановление общественного собрания Воронежских и Отрожских мастерских и просит горсовет ускорить дело по выселению монахинь из рабочего поселка и предоставлению их помещений под квартиры для рабочих, а также о закрытии церкви и передаче таковой для культурных целей. <...> 5. Предложить горсовету заострить внимание в сторону возможности очистки коммунальных домов, ЖАКТов от лиц нетрудовых профессий. 6. Предложить горсовету в 7-дневный срок проработать эти вопросы и результаты сообщить рабочим через “Воронежскую коммуну”» [Там же, л. 54–54 об.].

О формировании у рабочих требовательно-потребительского подхода к органам власти в решении жилищного вопроса свидетельствуют и сохранившиеся материалы специального расследования областным прокурором И. А. Ивановым заявления-жалобы рабочего воронежских железнодорожных мастерских П. П. Белебзьева на деятельность горкомунотдела по выделению для него жилой площади. В написанном 8 октября 1928 г. заявлении указывалось: «Обращаюсь в Вам ввиду моего крайне критического положения, связанного с тем, что с октября месяца 1924 г. живу между небом и землей. Жил в вагоне, более четырех месяцев –

на вокзале. В настоящее время живу на дворе – в чулане. С октября 1927 г. хожу в горсовет к т. Попойникову, который обещал выделить мне квартиру на улице Советской, дом № 19, но результат отрицательный. Я вынужден просить самого решающего Вашего результата и направить мое заявление в народный суд. Так как тут есть полное преступление горкоммунотдела. Говорят, подожди, мы дадим. Теперь довели под самую зиму, что я должен делать? Такие отношения к рабочему в советских учреждениях недопустимы» [ГАВО, ф. Р-51, оп. 1, д. 392, л. 59–60].

В этот же день прокурор И. А. Иванов рассмотрел данное обращение и наложил резолюцию: «Запросить объяснение от горсовета и горкоммунотдела, почему допущена такая особаго рода волокита по отношению к рабочему. Если горкоммунотдел не имеет квартир, то зачем обещал?!» Ответ из горсовета был получен в прокуратуре и в ОК РКИ уже 19 ноября 1928 г. В нем говорилось: «Президиум горсовета сообщает, что гр. П. П. Белебезеву предоставлена квартира в рабочем поселке» [Там же, л. 64].

Выявленные архивные документы говорят о том, что местные органы власти достаточно свободно обращались не только с собственным муниципализированным жилищным фондом, но и с индивидуальными жилищными постройками. Очень часто они принимали решения о переселении граждан на новые земельные участки и о выселении отдельных воронежцев из принадлежащего им жилья с последующей муниципализацией данной жилой собственности. Основанием для вынесения аналогичных решений органами городского самоуправления являлась формулировка: «...исходя из целесообразности текущих дел» [Там же, д. 390, л. 7]. Такое поведение государственных служащих вызывало негативную реакцию у населения Воронежа. Во многие центральные и региональные контрольные органы воронежцы направляли многочисленные обращения-жалобы. В январе 1927 г. в бюро жалоб губернской РКИ было подано заявление жительницы Воронежа А. К. Поляковой о возвращении ей конфискованного горсоветом индивидуального дома. Это заявление рассматривалось на заседании горсовета 4 марта 1927 г. В принятом постановлении «по существу поставленного вопроса» говорилось следующее: «Президиум горсовета, возвращая переписку с заявлением гр. Поляковой с ходатайством о возвращении дома, постановил: в просьбе отказать в связи с осуществлением плановой муниципализации жилья» [ГАВО, ф. Р-51, оп. 1, д. 392, л. 8]. Вероятно, заявления такого рода не являлись редкостью и для того, чтобы организовать работу с ними,

совместным Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 27 марта 1927 г. «Об организации примирительно-конфликтных комиссий по жилищным вопросам» [Собрание узаконений РСФСР, с. 167] во всех губернских городах РСФСР формировались специальные согласительные комиссии: «...с целью упорядочения процесса распределения и перераспределения жилья, а также рассмотрения жалоб населения» [Там же, с. 167–168]. Аналогичные комиссии летом 1927 г. были созданы при воронежских областном и городском Советах.

Среди материалов, связанных с деятельностью примирительно-конфликтной комиссии по жилищным делам при Воронежском горсовете оказались заявления жителей города о нарушениях в решении жилищного вопроса. Сохранилась жалоба, поступившая в комиссию 8 апреля 1928 г., под заголовком «Каприз или техническая необходимость?!» Эта жалоба была связана с необоснованной реконструкцией бывшего дома Шведченко, в связи с размещением в нем квартир председателя Воронежского облисполкома и секретаря Воронежского обкома ВКП(б). В документе указывалось: «Заканчивается постройка большого 3-этажного дома. И вдруг, ни с того, ни с сего, начинает пробиваться капитальная стена, несмотря на то, что дом строится по утвержденному проекту. А ведь сколько говорилось и писалось, что в ходе постройки никаких отступлений от проектов быть не должно. Оказывается, что стена пробивается по личному распоряжению председателя горсовета т. Попойникова. А распоряжение это как будто вызвано капризом какого-то работника областного масштаба, который облюбовал себе эту квартиру. Каприз капризом, а делу пусть не мешает. Пора и очень даже пора прекратить капризничать. И с чего это ради т. Попойников поощряет капризам, вызывающим лишние расходы и нарушающим общий порядок работы?» [ГАВО, ф. Р-51, оп. 1, д. 392, л. 17–18].

В деятельности самих примирительно-конфликтных комиссий оказалось достаточно много нарушений и злоупотреблений. Поэтому СНК РСФСР своим постановлением от 9 апреля 1928 г. поручил Народным комиссариатам внутренних дел и юстиции осуществить детальную проверку деятельности губернских комиссий и по ее результатам «...выработать необходимые изменения в содержании соответствующего закона» [Там же, л. 23]. По результатам проведенной проверки состав примирительно-конфликтной комиссии при Воронежском горсовете был практически полностью обновлен, и комиссия возобновила свою деятельность лишь в конце декабря 1928 г. На одном из первых заседаний комиссии, состоявшемся 29 декабря 1928 г., были рассмотрены материалы о высе-

лении из квартиры жителя Воронежа И. И. Соколова. В сопроводительных документах по данному делу содержались следующие сведения: «Семья И. И. Соколова, состоящая из 4 человек, из которых два не прописаны в домовую книгу, занимает одну комнату и кухню, но по заявлению брата И. И. Соколова ЖАКТ “Светлое будущее” на заседании 14 сентября 1928 г. постановил предоставить квартиру в две комнаты, согласовав перемещение с Президиумом горсовета. И. И. Соколов, не дождавшись разрешения вопроса, занял освобождающуюся комнату в предназначенной ему квартире. В это же время Президиумом горсовета было дано предписание ЖАКТ о предоставлении освободившейся комнаты советскому служащему гр. Виноградову, на основании чего правление изменило свое первое решение. Считаем необходимым выселить гр. Соколова из самовольно им занятой дополнительной жилплощади» [ГАВО, ф. Р-51, оп. 1, д. 392, л. 90].

Необходимо учитывать, что руководство Воронежского горсовета в условиях нэпа прекрасно осознавало сохранявшееся имущественное неравенство населения и стремилось сделать все возможное для осуществления дифференцированного подхода в установлении размеров оплаты за используемое жилье и коммунальные услуги, взимавшиеся в этот период с горожан. 31 марта 1928 г. административно-культурная группа направила в коллегию губернской РКИ докладную записку о снижении тарифной стоимости за электроэнергию и водоснабжение. В ней указывалось: «Снижение тарифов на воду одновременно предусматривает объединение существующего деления трудящихся на три группы: 1) с заработком до 75 руб.; 2) с заработком до 125 руб.; 3) с заработком свыше 125 руб. в одну группу. В результате этого объединения снижение отразится только на двух последних группах, которые к общему числу плательщиков по трем группам составляют 18,9 %, тогда как для основной первой группы остается прежний тариф 30 коп. в усадьбах с водопроводом и 15 коп. в усадьбах без водопровода. По второй группе имеется понижение в первом случае на 5 коп., а во втором случае на 3 коп. Имеющиеся три группы лиц, не принадлежащих к трудовому элементу, объединяются в две группы, причем в первую группу переводятся кустари-одиночки из третьей группы трудящихся, причем по этой категории плательщиков тарифы повышаются» [Там же, л. 94–94 об.].

На основании исследования заявлений «...на обследование квартир на предмет их состояния» [Там же, л. 19], поступивших в бюро коммунально-жилищной секции Воронежского горсовета в 1927–1928 гг., соз-

дается двойственное впечатление об отношении проживавших к своей жилой площади. С одной стороны, поступившие ходатайства о проведении обследований и постановке на очередь с целью ремонта жилья говорят о стремлении воронежцев создать себе более благоустроенные жилищные условия, а также являются подтверждением того, что все сферы жизни, в том числе и ремонтные работы, оказались под контролем органов местной власти. Однако, с другой стороны, многочисленные акты, составленные сотрудниками ЖАКТов по результатам обследования заявленных квартир, формируют мнение о преобладании потребительского подхода к использованию предоставленной жилой площади. Данное явление было характерным не только для жителей рабочих окраин, но и для жильцов центральных районов Воронежа. Например, в июле 1928 г. жилищной комиссией ЖАКТа «Молот-1» обследовалась квартира М. Л. Лагуты, проживавшего по улице Ф. Энгельса. Составленный акт обследования отразил следующее состояние квартиры заявителя: «Квартира состоит из комнаты и кухни. Вход в кухню осуществляется прямо со двора. Хотя и имеется двойная входная дверь, но она ветхая и плохо закрывается, поэтому зимой снег проходит прямо в кухню. О том, чтобы пристроили небольшие сени, М. Л. Лагута подавал заявление в правление ЖАКТа. Ответа еще не получил. Стены внутри комнаты имеют ужасный вид: штукатурка в некоторых местах так обсыпалась, что видна дрань, хотя М. Л. Лагута и замазывал сам эти места не один раз, все равно все обсыпается. Потолок так же, как и стены, в некоторых местах обвалился и видна дрань, вследствие того, что худая крыша. Сырость является неотъемлемой частью квартиры и не может быть изжита при существующем состоянии пола, потолка и рам, равно и потому, что комната лишена нормального отопления» [ГАВО, ф. Р-51, оп. 1, д. 390, л. 7–8]. Такое состояние жилой площади было обычным для большинства квартир, обследованных сотрудниками коммунально-жилищной секции Воронежского горсовета.

Представленный материал является основанием для вывода о том, что в конце 1920-х – начале 1930-х гг. в ЦЧО не были решены многие социально значимые вопросы. К их числу в полной мере относилось обеспечение населения благоустроенным жильем. Можно констатировать дальнейшее обострение в регионе жилищной проблемы. Ощущая неустрашенность повседневных условий, граждане обращались с заявлениями о своем бедственном положении в органы государственной власти и управления, в партийные организации, требуя скорейшего улучшения условий проживания и пытаясь определить возможных виновников сво-

их бытовых страданий. Среди них оказывались как пригородные крестьяне, «не занятые производительным трудом» интеллигенты, служители культовых учреждений, так и «зарвавшиеся» советские служащие, разбогатевшие «нэпманы». Все это, в конечном итоге, и послужило той социальной базой, опираясь на которую партийно-государственный аппарат осуществил переход от новой экономической политики к командно-административной модели управления.

Воронежская энциклопедия : в 2 т. / гл. ред. проф. М. Д. Карпачев. Воронеж, 2008. Т. 2.

ГАВО. Ф. Р-51 (Воронежский городской Совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов и его исполнительный комитет).

Край наш Воронежский: к 50-летию образования области. Воронеж, 1985.

Край наш Курский. Воронеж, 1978.

Очерки истории Воронежского края : в 2 т. Т. 2: Эпоха социализма. Воронеж, 1967.

Перцев В. А. Жилищный вопрос в Воронежской области в 1940-е годы // Центральная Россия в годы Великой Отечественной войны : материалы регион. науч. конф., посвящ. 65-летию Великой Победы, состоявшейся 21–22 апреля 2010 года / под ред. Л. М. Искры и В. А. Шамрая. Воронеж, 2010. С. 458–502.

Собрание узаконений РСФСР. 1927. № 25.